

А. Твардовский

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН:

21. СМЕРТЬ И ВОИН

За далекие пригорки

Уходил сраженья жар.

На снегу Василий Теркин

Неподобранный лежал.

Снег под ним, набрякши кровью,

Взялся грудой ледяной.

Смерть склонилась к изголовью:

— Ну, солдат, пойдем со мной.

Я теперь твоя подруга,

Недалеко провожу,

Белой вьюгой, белой вьюгой,

Вьюгой след запорошу.

Дрогнул Теркин, замерзая

На постели снеговой.

— Я не звал тебя, Косая,
Я солдат еще живой.

Смерть, смеясь, нагнулась ниже:

— Полно, полно, молодец,
Я-то знаю, я-то вижу:
Ты живой да не жилец.

Мимоходом тенью смертной
Я твоих коснулась щек,
А тебе и незаметно,
Что на них сухой снежок.

Моего не бойся мрака,
Ночь, поверь, не хуже дня...
— А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?

Смерть как будто бы замялась,
Отклонилась от него.

— Нужно мне... такую малость,
Ну почти что ничего.

Нужен знак один согласья,
Что устал беречь ты жизнь,
Что о смертном молишь часе...

— Сам, выходит, подпишись?—
Смерть подумала.

— Ну что же,—
Подпишись, и на покой.

— Нет, уволь. Себе дороже.

— Не торгуйся, дорогой.

Все равно идешь на убыль.—
Смерть подвинулась к плечу.—

Все равно стянулись губы,
Стынут зубы...

— Не хочу.

— А смотри-ка, дело к ночи,
На мороз горит заря.
Я к тому, чтоб мне короче
И тебе не мерзнуть зря...

— Потерплю.
— Ну, что ты, глупый!
Ведь лежишь, всего свело.
Я б тебя тотчас тулупом,
Чтоб уже навек тепло.

Вижу, веришь. Вот и слезы,
Вот уж я тебе милей.

— Врешь, я плачу от мороза,
Не от жалости твоей.

— Что от счастья, что от боли —
Все равно. А холод лют.
Завилась поземка в поле.

Нет, тебя уж не найдут...

И зачем тебе, подумай,

Если кто и подберет.

Пожалеешь, что не умер

Здесь, на месте, без хлопот...

— Шутишь, Смерть, плетешь тенета.—

Отвернул с трудом плечо.—

Мне как раз пожить охота,

Я и не жил-то еще...

— А и встанешь, толку мало,—

Продолжала Смерть, смеясь.—

А и встанешь — все сначала:

Холод, страх, усталость, грязь...

Ну-ка, сладко ли, дружище,

Рассуди-ка в простоте.

— Что судить! С войны не взыщешь

Ни в каком уже суде.

— А тоска, солдат, в придачу:

Как там дома, что с семьей?

— Вот уж выполню задачу —

Кончу немца — и домой.

— Так. Допустим. Но тебе-то

И домой к чему прийти?

Догола земля раздета

И разграблена, учти.

Все в забросе.

— Я работник,

Я бы дома в дело вник,

— Дом разрушен.

— Я и плотник...

— Печки нету.

— И печник...

Я от скуки — на все руки,

Буду жив — мое со мной.

— Дай еще сказать старухе:
Вдруг придешь с одной рукой?
Иль еще каким калекой,—
Сам себе и то постыл...

И со Смертью Человеку
Спорить стало выше сил.
Истекал уже он кровью,
Коченел. Спускалась ночь...

— При одном моем условии,
Смерть, послушай... я не прочь...

И, томим тоской жестокой,
Одинок, и слаб, и мал,
Он с мольбой, не то с упреком
Уговариваться стал:

— Я не худший и не лучший,
Что погибну на войне.
Но в конце ее, послушай,
Дашь ты на день отпуск мне?
Дашь ты мне в тот день последний,
В праздник славы мировой,
Услыхать салют победный,
Что раздастся над Москвой?

Дашь ты мне в тот день немножко
Погулять среди живых?
Дашь ты мне в одно окошко
Постучать в краях родных,
И как выйдут на крылечко, —
Смерть, а Смерть, еще мне там
Дашь сказать одно словечко?
Полсловечка?
— Нет. Не дам...

Дрогнул Теркин, замерзая

На постели снеговой.

— Так пошла ты прочь, Косая,
Я солдат еще живой.

Буду плакать, выть от боли,
Гибнуть в поле без следа,
Но тебе по доброй воле
Я не сдамся никогда.

— Погоди. Резон почище
Я найду,— подашь мне знак...

— Стой! Идут за мною. Ищут.
Из санбата.

— Где, чудака?

— Вон, по стежке занесенной...

Смерть хохочет во весь рот:

— Из команды похоронной.

— Все равно: живой народ.

Снег шуршит, подходят двое.

Об лопату звякнул лом.

— Вот еще остался воин.

К ночи всех не уберем.

— А и то: устали за день,

Доставай кисет, земляк.

На покойничке присядем

Да покурим натошак.

— Кабы, знаешь, до затяжки —

Щец горячих котелок.

— Кабы капельку из фляжки.

— Кабы так — один глоток.

— Или два...

И тут, хоть слабо,
Подал Теркин голос свой:
— Прогоните эту бабу,
Я солдат еще живой.

Смотрят люди: вот так штука!
Видят: верно, — жив солдат.

— Что ты думаешь!
— А ну-ка,
Понесем его в санбат.

— Ну и редкостное дело, —
Рассуждают не спеша. —
Одно дело — просто тело,
А тут — тело и душа.

— Еле-еле душа в теле...
— Шутки, что ль, зазяб совсем.
А уж мы тебя хотели,

Понимаешь, в наркомзем...

— Не толкуй. Заждался малый.

Вырубай шинель во льду.

Поднимай.

А Смерть сказала:

— Я, однако, вслед пойду.

Земляки — они к работе

Приспособлены к иной.

Врете, мыслит, растрясете —

И еще он будет мой.

Два ремня да две лопаты,

Две шинели поперек.

— Береги, солдат, солдата.

— Понесли. Терпи, дружок.—

Норовят, чтоб меньше тряски,

Чтоб ровнее как-нибудь,

Берегут, несут с опаской:
Смерть сторонкой держит путь.

А дорога — не дорога,—
Целина, по пояс снег.
— Отдохнули б вы немного,
Хлопцы...
— Милый человек,—
Говорит земляк толково,—
Не тревожься, не жалея.
Потому несем живого,
Мертвый вдвое тяжелей.

А другой:
— Оно известно.
А еще и то учесть,
Что живой спешит до места,—
Мертвый дома — где ни есть.

— Дело, стало быть, в привычке,—

Закljučают земляки. —
Что ж ты, друг, без рукавички?
На-ко теплую, с руки...

И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
«До чего они, живые,
Меж собой свои — дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даешь отсрочку».

И, вздохнув, отстала Смерть.

А.Твардовский. Василий Теркин.
Книга про бойца. Теркин на том свете.
Москва: Раритет, 2000.

**Произведение нашла и предложила на конкурс
Кривошапова Маргарита, ученика 1 класса ГБОУ
ЦО 1613 г. Москвы.**